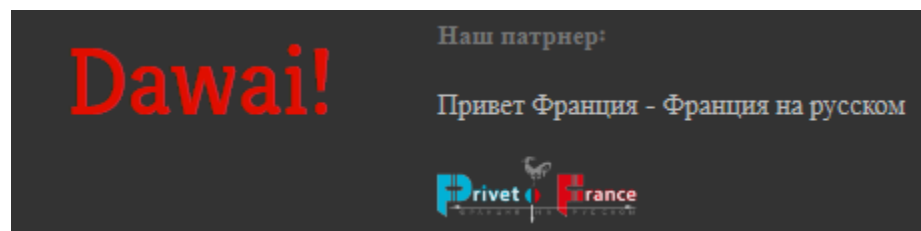

[Дмитрий Хворостовский: «Здесьняя публика просто сумасшедшая!» - Русскоязычная редакция в Австрии "Давай!" \(dawai.at\)](#)

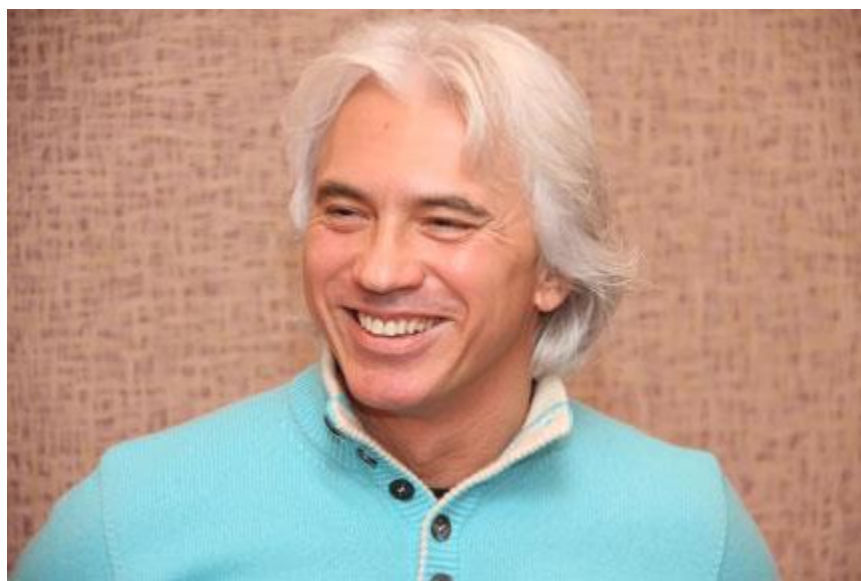

Дмитрий Хворостовский: «Здесьняя публика просто сумасшедшая!»

Автор: Беседовала Ирина Доценко вкл. 19 Январь 2014.

Журналисты прозвали Дмитрия «сибирским экспрессом». В основном потому, что его взлет на вершину творческого Олимпа был необычайно стремительным. В 1989-м Дмитрия Хворостовского впервые назвали звездой оперной сцены. С тех пор он гастролирует по миру в режиме нон-стоп. На несколько дней Хворостовский снова задержался в Вене, где состоялась главная премьера его творческого сезона-2013/14: роль Яго в опере Дж. Верди «Отелло».

ПОДРАЖАТЬ ВЕЛИКИМ – ДЕЛО НЕБЛАГОДАРНОЕ

- Дмитрий, когда вы решили серьезно заняться вокалом? Как это произошло?

– Мама и папа были музыкантами, не профессиональными музыкантами, но людьми, которые искренне влюблены в классическую музыку. Отец – прекрасный пианист, он занимался и пением, причем так же серьезно, как оперные певцы. С семи лет я учился играть на фортепиано. И мне казалось, что я не имею других дарований. В шестнадцать я закончил школу. Как большинству подростков в этом возрасте, мне, к великому ужасу родителей, хотелось бросить все и уехать куда подальше. Но папа поступил мудро: он взял меня за руку и привел на хоровое

отделение педагогического училища. Туда брали всех без исключения мальчиков, потому что их там катастрофически не хватало. Попросили что-то спеть. Я спел старинный русский романс. Комиссия посмеялась, но приняла меня на учебу. А через некоторое время я запел. Регулярные занятия в хоре, вокальные уроки моего педагога Галины Алексеевны Астаниной быстро дали результаты. Тогда я понял, что эта профессия поможет мне стать кем-то в жизни.

– То есть педагоги разбудили ваш талант?

– Педагоги были разные. Некоторые занимались чистой педагогикой, а не развитием талантов. Однажды я попал к одному педагогу, который в свое время занимался и с моим отцом. Он был скорее шарлатаном, чем учителем. Через некоторое время он сделал из меня ТЕНОРА! Он смог увеличить мой голосовой диапазон в два раза, я научился петь высоко. Но в какой-то момент я почувствовал, что это совсем не мое. Я ушел от него и стал заниматься как баритон. Потом я поступил в консерваторию в класс Екатерины Иофель, где и проучился пять лет и начал свою творческую карьеру. Я очень многим обязан этой неординарной женщине. Она научила меня петь, но в принципе своим образованием я занимался и занимаюсь сам.

– Кто ваш кумир сегодня? Кто для вас авторитет?

– У меня было много идолов и кумиров, многих обожал с детства, многим хотел подражать. Федор Шаляпин, Павел Лисициан... Через некоторое время я стал слушать и понимать итальянское пение и звуковедение. Я заболел этим, много изучал и слушал, много пробовал, но все сам. Мне очень нравился Этторе Бастианини – легенда оперной классики. Он прожил всего лишь 45 лет, но оставил огромный след в музыкальном мире. Бастианини – удивительный баритон. Я пытался петь, как он, стать таким, каким был он. Потом кумирами были Капучини, Ренато Брузо. Изучая репертуары этих певцов, я старался взять лучшее и сам развивался. Я слушал, анализировал, но уже без слепого желания копировать, потому что понял: подражать даже великим – это неблагодарное дело. Все молодые артисты проходят эту школу, пробуют, ищут себя и свой стиль. Через это прошел и я.

ПОКЛОННИКИ И ТАЛАНТЫ

– Чем отличается венская публика от зрителей других стран?

– Здешняя публика просто сумасшедшая! В хорошем смысле слова, конечно. После спектакля – буря эмоций: зрители кричат, аплодируют, забрасывают цветами. Такого сегодня нет нигде в мире! Венская публика беззаветно любит и хранит музыкальные традиции, обожает и уважает певцов. Для нашего брата, артиста, очень важно чувствовать любовь и восхищение. Это огромный эмоциональный заряд.

– Многие говорят, что русская публика более требовательная, что перед ней трудно выступать. Что думаете вы?

– Я вспоминаю мои выступления в России в лихие 90-е. Тогда люди приходили на концерт и не просто ожидали, а требовали избавления их от проблем и горечей посредством музыки. Для русских людей искусство не являлось чем-то повседневным. Искусство позволяло им прикоснуться к чему-то идеальному, чистому. Вспомните Седьмую, «Ленинградскую», симфонию Шостаковича. Голодные, умирающие люди блокадного Ленинграда приходили послушать эту музыку! Ожидание чуда – это, наверное, заложено в генах русских людей. В Европе такого нет. Еще остались ценители, которые действительно любят и чувствуют музыку. Но новое поколение скорее идет на имя, на престиж, на рекламу. Хорошо это или плохо? Может быть, рано или поздно музыка все-таки разбудит души современной молодежи.

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

– Вы девятнадцать лет живете в Лондоне. Этот город стал для вас родным? Где вы чувствуете себя дома?

– И сейчас большую часть года я провожу вне дома. А с Лондоном меня связывает четверть века: девятнадцать лет живу там официально, а все остальное время часто бывал в этом городе. Так что я больше лондонец, чем москвич, красноярец или венец. Лондон – это мой город. Там мой дом, там живут мои близкие, любимые люди.

– Что связывает вас с Веной?

– Я начал петь здесь с 1994 года и до сегодняшнего дня регулярно участвую в разных постановках. Но судьба актера часто зависит от субъективных факторов. При прежнем директоре Венской оперы Иоане Холендере я часто появлялся на венской сцене, а потом был период охлаждения, и мои выступления стали намного реже. Хотя это никак не влияло на мои концерты: я выступал и выступаю в Венской филармонии, в зале Музыкального общества. Вена – это очень знаковый город для музыкантов и артистов.

– Есть ли у вас в Вене любимые кафе, рестораны?

– Это ресторан Sole, куда приходят многие артисты оперы. Там я могу встретить коллег, поболтать с ними; люблю ресторан Plachutta, кафе Sacher.

– А на лыжах катаетесь?

– Моя супруга катается на лыжах с детства, а я зиму не люблю, несмотря на то что сибиряк. Лучший отдых для меня – это солнце и море, хотя дома у меня всегда нежарко: плюс пятнадцать. Сухой теплый воздух в натопленном жилье – это убийственно для голосовых связок. Зимние месяцы я провожу в Нью-Йорке. Но и в России тоже – там мои гастролы проходят в ноябре и декабре.

ЭТО ЯВНО НЕ ОТ МЕНЯ!

- Ваша семья интернациональная: жена – гражданка Швейцарии, вы – русский. К культуре какой страны тяготеют ваши дети?

- Мои дети говорят на английском, русском и французском. Но я делаю все, что в моих силах, для того чтобы в нашем доме жили русские традиции, русский дух. И дети это с удовольствием принимают. Но вряд ли они смогут ответить однозначно, кто они: русские, англичане или швейцарцы? Они общаются на русском языке с бабушкой и дедушкой и с няней. Хотя писать по-русски они, к сожалению, не умеют.

– У вас четверо детей. Они унаследовали ваши музыкальные таланты?

– Я думаю, унаследовали, хотя рано еще о чем-то говорить: у них полно талантов и энергии. Двойняшки – сын и дочь от первого брака и двое детей от второго брака неплохо поют и танцуют. Мой старший сын идет по моим стопам. Он играет в рок-группе, сочиняет музыку, пишет стихи, и в то же самое время он великолепно играет на рояле Шопена, Рахманинова, Моцарта. Но у него есть и прекрасные математические способности, что явно не от меня.

С АННОЙ ВЕСЕЛО И ЛЕГКО

– С кем из сегодняшних известных исполнителей вы любите выступать вместе?

– Иногда не очень удобно выступать со «звездами», потому что известное имя тянет за собой шлейф обязанностей, амбиций, желаний. Но бывают партнеры самодостаточные, и тогда не возникает проблем. Мне кажется, я «удобный» партнер на сцене. Хотя... Спросите у моих коллег...

Оперный жанр – это жанр коллективный, в котором независимо от внутреннего эго на сцене все работают на общий результат. Поэтому надо много отдавать, помогать партнерам и, если нужно, подставлять свое плечо. Только тогда будет успех.

– Как вам работалось с Анной Нетребко и Дмитрием Корчаком в «Евгении Онегине»?

– Анечку я очень люблю, рад ее успехам и рад, что стал ее «первым Онегиным». Я надеюсь, что нам удастся еще спеть вместе. Аня вообще одна из великих и уникальных певиц сегодняшнего времени. Я очень люблю с ней работать. У нее потрясающая аура, которая одухотворяет, вдохновляет и дает поддержку. С Анной весело и легко, с ней хочется улыбаться, смеяться. И Митя тоже очень профессиональный и знающий артист. Он певец, который имеет прекрасные вокальные данные и отличное образование.

– В вашем репертуаре много ролей. Какие из них самые любимые?

– Обычно то, над чем я работаю, мне очень нравится. К примеру, моя сегодняшняя роль в опере «Отелло» – Яго. Эту роль я очень долго ждал. Но этот момент все время как-то отодвигался. Роль очень емкая, а партия – очень непростая: много пения, речитатива, психологизма. Но эта роль далась мне не так трудно, как я ожидал. Злодеи удаются мне лучше, чем другие образы. После премьерного спектакля я совершенно не устал, просто летал от счастья. Казалось, что могу прямо сейчас отработать еще один спектакль! Я вообще чувствую себя счастливым, оттого что так классно смог исполнить эту роль.

А вот Онегина я пою нечасто. Эту партию не хочется исполнять часто. В этой роли у меня появилось что-то мефистофелевское, какой-то другой, более зрелый подход – я почувствовал это во время последнего исполнения партии в Венской опере. Иногда приходится сталкиваться с не очень бережной трактовкой этой роли режиссерами. Это меня оскорбляет...

– Может ли артист сказать режиссеру свое видение роли?

– Это не от нас зависит. В принципе артист не может повлиять на режиссуру спектакля. А успех спектакля определится публикой.

С НОГ НА ГОЛОВУ

– Вы не считаете, что оперное искусство умирает, что публика требует другое шоу?

– Есть такая тенденция. Мы живем сегодня во времена профанов. Знания, образование, интересы – все приводится к общему знаменателю. И глобализация, и технический прогресс, и

американизация – все это, с одной стороны, дает возможность получать желаемое моментально, не прикладывая усилий, с другой – нивелирует более глубокие образовательные процессы. В 90-е годы в России из воспитательного и образовательного процесса выпало целое поколение. Результаты заметны уже сегодня: молодежь хочет жить как девочка и мальчик из рекламы. Поэтому я не уверен, что новым поколениям опера будет так нужна и важна, как раньше. Только большие, знаковые театры мира смогут сохранить настоящие оперные традиции. Для меня опера – это голос, это вокальное искусство, это артистичность. Каждая опера написана для уникальных исполнителей. Но среднестатистический оперный театр Европы не может пригласить звезд мировой величины. Поэтому, зная, что средний певец блистать не сможет, режиссеры ищут другие пути для привлечения зрителя и переворачивают все с ног на голову: обнажают торсы и не только, ставят скандальные спектакли, рассчитанные на обывателя, который идет в оперу только потому, что так принято. Увы, современная театральная культура стремится шокировать публику ради того, чтобы только заманить ее на спектакль. Но ведь сама музыка, если правильно ее преподнести, может и должна достигать до сердца. Это и есть настоящее искусство, для которого актерам совсем не обязательно раздеваться.

– Вы ведь не только оперный певец...

– Я участвую и в концертах камерной музыки, несмотря на то, что оперные исполнители делают

это достаточно редко, и в коммерческих проектах.

– Как вы чувствуете себя в Венской опере?

– Венская опера – это прекрасный театр, где об артистах заботятся, где работать очень комфортно. У меня прекрасные отношения с театром и дирекцией. Я люблю здесь работать и надеюсь, что снова буду приезжать сюда. А 25 марта в Венской опере у меня будет камерный концерт.

